

С. Судіенко.

ТАЙНА

ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА

„ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“.

ТАЙНА

ПОЭМЫ „ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“.

I.

О поэмѣ „Евгеній Онѣгинъ“, какъ величайшемъ произведеніи величайшаго русскаго поэта, написано въ теченіи продолжительнаго 77-лѣтняго существованія ея такъ много, что, казалось бы, въ ней нѣтъ уже ничего, что могло бы скрыться отъ зоркаго и внимательнаго взора критики и осталось бы не изслѣдованнымъ и не оцѣненнымъ ею. Но на самомъ дѣлѣ въ ней есть цѣлое довольно большое мѣсто, котораго совсѣмъ не коснулась критика до настоящаго времени. И это не потому, что это мѣсто лишнее или не имѣетъ значенія: въ такомъ художественномъ произведеніи, какъ „Евгеній Онѣгинъ“, надъ которымъ поэтъ работалъ 7 лѣтъ въ пору высшаго расцвѣта своего таланта, нѣтъ и не можетъ быть, разумѣется, ничего лишняго или не имѣющаго значенія, какъ не

можетъ быть ничего лишняго и бесполезнаго во всякомъ механизмѣ тонко и цѣлесообразно устроенной машины.

Это совершенно нетронутое критикой мѣсто въ поэмѣ есть вѣщій сонъ Татьяны.

Пренебреженіе къ этому сну со стороны критики объясняется, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ тѣмъ, что принято вообще не придавать значенія снамъ кому бы они не принадлежали—живымъ ли людямъ или персонажамъ художественныхъ произведеній. Въ общемъ такое отношеніе къ снамъ, какъ результатамъ бессознательныхъ, рефлексивныхъ дѣйствій мозга, не осмысленныхъ разумомъ, конечно, правильно, но не всегда. Есть блестящія исключенія. Сонъ библейскаго фараона, на примѣръ, спасъ отъ голода цѣлое государство Египеть и послужилъ одной изъ причинъ переселенія въ это государство Израильтянъ и тѣмъ далъ толчокъ всей дальнѣйшей ихъ исторіи.

Сонъ Татьяны тоже имѣетъ крайне важное значеніе. Въ немъ заключена въ символическомъ видѣ загадка поэмы, тайна ея. Скромную попытку поднять пока хоть край

авѣсы, прикрывающей эту тайну. мы дѣлаемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

II.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.

Ей снится, будто-бы она

Идетъ по снѣговой полянѣ,

Печальной мглой окружена.

Припомните жизнь Татьяны въ глухой, заброшенной далеко въ глубь Россіи деревушкѣ, находящейся отъ ближайшаго культурнаго центра—г. Москвы на разстояніи 7 сутокъ саннаго пути (столько именно сутокъ ѣхала Татьяна съ матерью въ Москву). Не таковъ ли на яву былъ жизненный путь Татьяны въ этой деревушкѣ, какъ во снѣ? Не былъ ли онъ такъ же холоденъ, какъ снѣговая поляна, отъ отсутствія согрѣвающей родительской и родственной любви и человѣчныхъ отношеній знакомыхъ?—и, идя по немъ, не была ли она „печальной мглой окружена“?

Въ письмѣ къ Онѣгину она жалуется:

Вообрази: я здѣсь одна,

Никто меня не понимаетъ,

Разсудокъ мой изнемогаетъ,

И молча гибнуть я должна.

И такой одинокой чувствовала она себя всегда въ продолженіи всей своей жизни въ деревнѣ. Съ ранняго дѣтства у нея не было никого, кто приласкалъ бы ее и къ кому она сама могла бы приласкаться.

Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый.

Воспитаніе онъ получилъ старинное, учился мало и кое-какъ.

Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой.

Любя больше всего на свѣтѣ покой, онъ ничѣмъ не интересовался, ни во что не вмѣшивался и никому не мѣшалъ въ семьѣ. Всѣ хлопоты и заботы по дому и по имѣнію онъ предоставилъ женѣ, „а самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ“. И еще спалъ. Естественно, что при такомъ образѣ жизни и при такомъ отношеніи ко всему онъ не могъ не сторониться отъ своей дикой, печальной, молчаливой, боязливой и не умѣющей ласкаться дочери Тани.

Мать Тани уже, напротивъ, была слишкомъ занятой особой. Она всегда была за-

валена по горло дѣлами по дому и по сельскому хозяйству.

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь—
Все это мужа не спросясь.

Днемъ мужскія и женскія работы, а вечеромъ гости... Когда же ей было заниматься Таней?

У Тани была еще сестра Ольга и у нея женихъ, молодой поэтъ Владиміръ Ленскій. Оба они съ дѣтства были неразлучны другъ съ другомъ.

Чуть отрокъ Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не зная,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы.

Съ возрастомъ Ольги росла и любовь къ ней у Ленскаго.

Чась отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.

*Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой....*

Ясно, что имъ не только до Татьяны, но и не до кого на свѣтѣ не было никакого дѣла.

Остаются знакомые Татьяны, приѣзжавшіе часто въ гости къ ея роднымъ. Поэтъ собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ во время именинъ Татьяны и тутъ, не тратя многихъ словъ, однимъ названіемъ ихъ многозначительныхъ фамилій и двумя-тремя мѣткими словами такъ характеризуетъ ихъ, что они всѣ, съ своими чадами и домочадцами и даже москвичами, какъ живые, передъ нами.

Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ вибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохоть, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.
Съ своей супругою дородной

Приѣхалъ толстый *Пустьяковъ*;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уѣздный франтикъ *Пѣтушковъ*.
 Мой братъ двоюродный, *Буяновъ*,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ *Фляновъ*,
 Тяжелый сплетникъ, старый плуть,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.
 Съ семьей Панфила *Харликова*
 Приѣхалъ и мосье Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтьми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло—вмѣсто belle Nina
 Поставилъ belle Tatiana.

Таково было общество, окружавшее Татьяну.
 Если и попадались въ немъ иногда лучшіе

люди, то случайно, да и тѣ старались избѣ-
гать этого общества. Такъ, Евгенію Онѣгину
обыкновенно подавали съ задняго крыльца
осѣдланную лошадь,

Лишь только вдоль большой дороги
Заслышать ихъ домашни дроги.

За это обиженные мстили ему, чѣмъ могли,
сплетничали и клеветали:

Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ — фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ,
Все да, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*....

И поэтъ Ленскій тоже не любилъ обще-
ства „господъ сосѣдственныхъ селеній“ и

Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

Такимъ образомъ много разнаго народа окружало Татьяну, но не было возлѣ нея людей, которые бы если не привлекали, то хоть не отталкивали бы ее отъ себя, подобно тому, какъ отталкивали Онѣгина и Ленскаго. Живя среди такихъ людей, безъ родительской и родственной любви и ласокъ, безъ подругъ, безъ разумныхъ и чловѣчныхъ отношеній знакомыхъ, Татьяна естественно должна была чувствовать себя, какъ въ пустынѣ. Отъ природы она, по удостовѣренію самого поэта, отличалась „сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ“. Но черствость и непривѣтливость окружающей среды вогнали въ глубь эту пламенность и эту нѣжность ея сердца и сдѣлали холодной ея внѣшность. Это вулканъ, спокойный снаружи и бушующій пламенемъ внутри. Вотъ почему уже въ раннемъ дѣтствѣ она поражала своею замкнутостію и необщительностію,

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей.

Вотъ почему также поэтъ говорить о взрослой
Татьянѣ:

Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь:
Душа ждала... *кого нибудь.*

И понятно: на безрыбьи вѣдь и ракъ рыба,
а на безлюдьи кто не человѣкъ!..

И такъ, настолько былъ холоденъ и мраченъ жизненный путь Татьяны, что ей невольно не только во снѣ, но и на яву, должно было казаться,

Будто-бы она
*Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена.*

III.

Далѣе снится Татьянѣ:

Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
*Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и съдой
Потокъ, не скованный зимой.
Два жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ.*

Тутъ каждая фраза, каждое слово полны
глубокаго смысла.

Потокъ или, какъ еще иначе называетъ его поэтъ, пучина, ручей—это та граница, то пространство, которое раздѣляетъ людей между собою и препятствуетъ имъ вступать во взаимныя отношенія другъ съ другомъ. Это—причина изолированности индивидуумовъ, преграда къ ихъ общенію и единенію, *разлука* ихъ. Татьяна такъ и смотритъ на потокъ, „какъ на *досадную разлуку*“.

Потокъ этотъ *сѣдой*, т. е. старый, посѣдѣлый отъ времени, вѣковѣчный; онъ *темный*, т. е. полонъ темноты, таинственности, неизвѣстности, пока не перейденъ; онъ *кипучій*, потому что черезъ него идетъ путь къ сердечному единенію и соціальному общенію людей, немислимымъ въ общемъ безъ кипѣнія и бурленія страстей; онъ *шумитъ*, потому что до него люди одиноки и безмолвны, а черезъ него вступаютъ въ полное шума, гама, суеты, криковъ, общеніе между собою; онъ *клубитъ* волной своей, потому что по пути черезъ него наматываются въ клубокъ тѣ отношенія между людьми, которыя потомъ продолжаются, тянутся, какъ нить съ клубка, иногда очень долго, всю жизнь; онъ, нако-

нецъ, не скованъ зимой, холодомъ, льдомъ, потому что холодъ нравственный, въ противоположность холоду физическому, не сковываетъ и соединяетъ, а только разъединяетъ сердца.

Двѣ жердочки, положенныя черезъ потокъ,—это *двѣ встрѣчи* Татьяна съ Онѣгинымъ, бывшія до ея сна. По своему значенію для сближенія ея съ Онѣгинымъ эти встрѣчи представляютъ изъ себя дѣйстви-тельно не болѣе, какъ *жердочки*, тонкія, непрочныя.

Въ первый разъ встрѣтилась Татьяна съ Онѣгинымъ въ домѣ своихъ родныхъ, куда онъ явился вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Ленскимъ, чтобы посмотрѣть его невѣсту Ольгу—сестру Татьяны. Въ этотъ разъ Татьяна „грустна и молчалива, какъ Свѣтлана, вошла и сѣла у окна“, въ то время, какъ Онѣгинъ и Ленскій, сидя за вощанымъ столикомъ, угощались сластями и брусничной водой. Въ продолженіи всей этой встрѣчи Татьяна ни словомъ не перемолвилась съ Онѣгинымъ и ее даже никто не назвалъ ему. Это видно изъ того, что, возвращаясь

изъ гостей. Онѣгинъ спросилъ Ленскаго:
„Скажи, *которая* Татьяна?“

Во второй разъ Татьяна, узнавъ, что
пріѣхалъ Онѣгинъ и боясь встрѣчи съ нимъ,
бросилась опрометью изъ дома въ садъ.

Летить, летить, взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ;
Кусты, сирень переломала,
По цвѣтникамъ *летя къ ручью,*
И, задыхаясь, на скамью
Упала. . . .

Прійдя нѣсколько въ себя, она встала со
скамьи и пошла.

Но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгенийъ
Стоитъ подобно грозной тѣни.

Тутъ онъ преподалъ ей строгое назиданіе
и прочелъ много суровыхъ нотацій по по-
воду ея письма.

Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій
Татьяна слушала его.

Всю жизнь потомъ она не могла забыть
холоднаго взгляда и не менѣе холодной

проповѣди Онѣгина. По крайней мѣрѣ, встрѣтившись съ нимъ долгое время спустя въ Петербургѣ, она пеняетъ ему:

И нынче—Боже! стынетъ кровь,
 Какъ только вспомню взглядъ холодный
 И эту проповѣдь. . .

Вотъ все, что было фактическаго въ обѣихъ встрѣчахъ Татьяны съ Онѣгинымъ.

Отличаясь ледяною холодностью, эти встрѣчи послужили слишкомъ непрочнымъ, шаткимъ основаніемъ для сближенія Татьяны и Онѣгина, и потому двѣ эти встрѣчи—*„двѣ жердочки, склеенны льдиной“*, а мостикъ, составленный изъ нихъ,—*„дрожащій, гибельный мостокъ“*.

IV.

Очувившись предъ такимъ мосткомъ, перекинутымъ черезъ ручей, Татьяна вопрошала.

Какъ на досадную разлуку,
 Татьяна ропщетъ на ручей,
 Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей.
 Но вдругъ сугробъ зашевелился,
 И кто-жъ изъ-подъ него явился?

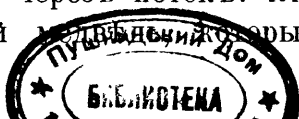
*Большой взъерошенный медвѣдь.
Татьяна—ахъ! а онъ ревѣтъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скръпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливymi шагами
Перебралась черезъ ручей.*

Такимъ образомъ не при человѣческомъ содѣйствіи перебралась Татьяна черезъ ручей на сторону Онѣгина, а при содѣйствіи медвѣдя; Онѣгинъ же и самъ не перебирался черезъ ручей, и ей не помогаль перебраться.

Такъ это было и на самомъ дѣлѣ.

Изъ поэмы извѣстно, что жаждала любви и стремилась къ сближенію съ Онѣгинымъ одна Татьяна, а Онѣгинъ не только не шелъ на встрѣчу ея чувствамъ, но и не оказываль ни малѣйшаго содѣйствія ей въ этомъ отношеніи. Напротивъ, при объясненіи по поводу ея любовнаго письма онъ былъ такъ холоденъ и рѣзокъ къ ней, что это естественно должно было болѣе отдалить ее отъ него, чѣмъ приблизить.

Кто же въ такомъ случаѣ помогъ ей перебраться черезъ потокъ? Кто былъ тотъ услужливый медвѣдь, который подаль ей

когтистую лапу помощи при прохожденіи ея по „дрожащему, гибельному мостку“?

Рѣшить этотъ вопросъ очень легко. Надо только найти виновника тѣхъ двухъ встрѣчъ Татьяны съ Онѣгинымъ, которыя предшествовали ея сну и которыя послужили мосткомъ для сближенія ея съ Онѣгинымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этихъ встрѣчъ не было бы вовсе, еслибъ въ ту пору *случай* (судьба, рокъ) не забросилъ Онѣгина изъ далекаго Петербурга въ сосѣдство Татьяны для полученія наслѣдства отъ умершаго дяди. Равнымъ образомъ не было бы этихъ встрѣчъ, еслибъ *случайно* „въ ту же пору“ изъ Германіи туманной не прискакалъ въ свою деревню, въ сосѣдство Татьяны и Онѣгина, поэтъ Ленскій, не познакомился съ Онѣгинымъ, не повезъ его знакомиться съ своею невѣстою Ольгой, сестрою Татьяны, и такимъ образомъ не предоставилъ бы *случая* Татьянѣ увидѣться съ Онѣгинымъ. Такимъ образомъ *случай* обогатилъ Онѣгина, сдѣлавъ его полнымъ хозяиномъ „заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель“, и оказалъ медвѣжью услугу Татьянѣ, познакомивъ ее съ Онѣги-

нымъ, такъ какъ знакомство это разбило ея сердце и вообще причинило ей очень много горя. Поэтому *случай* (судьба, рокъ) для Татьяны—страшный, „*большой взерошенный медвѣдь*“, протянувшій съ той стороны, гдѣ находился Онѣгинъ, „лапу съ *острыми* когтями“ и доставившій ее окованную отъ холода на пиръ къ Онѣгину со словами: „Здѣсь мой кумъ—погрѣйся у него немножко“, а для Онѣгина *случай*—*благодѣтель и кумъ*.

V.

Послѣ первой встрѣчи съ Онѣгинымъ все было ясно передъ Татьяной. Солнце любви, взошедшее въ ея душѣ, освѣщало лежащій передъ нею путь къ сближенію съ избранникомъ своего сердца. И она быстро, не соображаясь съ дѣйствительными обстоятельствами, устремилась впередъ по этому пути, пославъ вдругъ Онѣгину пламенное любовное письмо. Но Онѣгинъ своимъ объясненіемъ по поводу письма свелъ ее съ этого пути. Онъ объявилъ ей, что любовь ея напрасна и что супружество между ними невозможно.

Снѣжной бурей, мятьелью пронеслось это объясненіе въ душѣ Татьяны и занесло не только всѣ пути къ сближенію ея съ Онѣгинымъ, но и всѣ ея мечты, всѣ надежды на счастье, которое по ея собственнымъ словамъ, „было такъ возможно, такъ близко“. Ея будущее, свѣтлое и радостное послѣ первой встрѣчи, затмилось вдругъ послѣ второй встрѣчи. Ни дорогъ, ни свѣта. Что было дѣлать? Куда идти? Что предпринять?—Идти назадъ — значить разлюбить Онѣгина, забыть его. Но развѣ это возможно? Нѣтъ, лучше погибнуть.

Погибну, Таня говоритъ:

Но гибель отъ него любезна.

Идти впередъ, но гдѣ-же та дорога, которая можетъ привести ее опять къ Онѣгину?..

Посмотрите, не то ли самое было съ Татьяной и въ ея снѣ.

Перейдя съ помощью услужливаго медвѣдя по мостику черезъ потокъ, Татьяна очутилась ночью предъ дремучимъ лѣсомъ.

Предъ ними лѣсъ, недвижны сосны

Въ своей нахмуренной красѣ;

Отягчены ихъ вѣтви всѣ

Клоками снѣга; сквозь вершины
 Осинь, березь и липь нагихъ
 Сіяетъ лучь свѣтилъ *ночныхъ*.
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
 Мятелью *всѣ* занесены,
 Глубоко въ снѣгъ погружены.

Татьяна не долго оставалась въ нерѣшимости передъ лѣсомъ. Какъ и на яву, она не хотѣла возвращаться назадъ и, очертя голову, ринулась въ лѣсъ, не смотря на темноту ночи, отсутствіе дорогъ и другія преграды, могущія попасться на пути. Бѣжить. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, тѣмъ больше дурныхъ послѣдствій для Татьяны.

То длинный *сукъ* ее за шею
 Зацѣпить вдругъ, то *изъ ушей*
 Златыя *серьги* выветъ силой;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ *ножки* *милой*
 Увязнетъ *мокрый* башмачекъ,
 То *выронитъ* она платокъ;
 Поднять ей некогда—*боится*,
 Медвѣдя слышитъ за собой,
 И даже трепетной рукой
 Одежды край поднять стыдится:
 Она бѣжить, онъ все во слѣдъ,
 И *силъ* уже *бѣжать* ей *нѣтъ*.

Упала въ снѣгъ—медвѣдь проворно
 Ее хватаетъ и несетъ;
 Она безчувственно—покорна,
 Не шевелится, не дохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой.

И примчалъ прямо къ Онѣгину, предоставивъ ей такимъ образомъ возможность еще разъ встрѣтиться съ нимъ.

Подобнымъ же тернистымъ путемъ является для Татьяны на яву и весь промежутокъ времени между второй и третьей встрѣчей съ Онѣгинымъ.

Въ этотъ промежутокъ

Любви безумныя страданья
 Не перестали волновать
 Младой души, печали жадной;
 Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
 Татьяна бѣдная горитъ;
 Ея постели сонъ бѣжитъ...
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣтственный покой
Пропало все, что звукъ пустой,
 И мерзнетъ милой Тани младость:
 Такъ одѣваетъ бури тѣнь
 Едва рождающійся день.
 Увы, Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ—и молчитъ!

VI.

Разобранная часть сна Татьяна касается, какъ мы видѣли, прошлой и настоящей ея жизни; будущаго въ ней не затрогивается и потому она не заключаетъ въ себѣ ничего вѣщаго.

Вѣщая часть сна Татьяны слѣдуетъ дальше. Содержаніемъ ея служить уже исключительно одно будущее Татьяны. Чтобы это видно было, поэтъ точно указываетъ время сна Татьяны и время совершенія въ дѣйствительности событій, предвозвѣщенныхъ вѣщей частью этого сна.

Время сна Татьяны—одна изъ ночей на рождественскихъ святкахъ.

Весь вечеръ передъ этимъ Татьяна вмѣстѣ съ своей сестрой Ольгой и дворовыми дѣвушками провела въ гаданьяхъ. Гадали всякими способами.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ.
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходятъ кольца чередою;

И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней.

.
Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ.

.
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
„Какъ ваше имя?“

Но и тутъ неудача: она ожидала услышать звучное, завѣтное имя „Евгеній“, а раздалось въ отвѣтъ грубое: „Агаѳонъ!“

По совѣту няни Татьяна собиралась еще воровать въ нежиломъ помѣщеніи и для этого

Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянкѣ...

И она отказалась отъ этого гаданья.

Такъ цѣлый вечеръ не удавались Татьянѣ гаданья или сулили въ будущемъ одни утраты и горе. Оставалась еще надежда на сонъ. Въ вѣщемъ сновидѣннѣ можетъ явиться ея суженый... И она, положивъ зеркало подъ подушку, съ мыслями объ Онѣгинѣ и о будущемъ, легла въ постель. Тонкая и въ высшей степени чувствительная организація Татьяны, подъ вліяніемъ импульсовъ, полученныхъ наяву, сдѣлала свое дѣло во снѣ. И вотъ дѣйствительно „снится чудный сонъ Татьянѣ“. Надежды, возлагаемыя ею на сонъ оправдались. Гаданья не открыли ей будущаго, а открылъ сонъ.

Содержаніемъ вѣщей части сна Татьяны служить пиръ Онѣгина съ чудовищами въ пустынномъ шалашѣ, пріютившемся глубоко въ лѣсной глуши, встрѣча Татьяны съ Онѣгинымъ во время этого пира, появленіе на пирѣ Ольги и Ленскаго, ссора между Онѣгинымъ и Ленскимъ и смерть Ленскаго отъ руки Онѣгина.

Все это цѣликомъ и почти съ буквальною точностію выполнилось въ день именинъ Татьяны, за исключеніемъ насиль-

ственной смерти. Ленскаго, случившейся нѣсколько позже. Сонъ повторился въ дѣйствительной жизни, послужилъ программой празднованія именинъ Татьяны. Во снѣ Татьяны—пиръ и на яву—пиръ по случаю ея именинъ; во снѣ—новая встрѣча Татьяны съ Онѣгинымъ во время пира и на яву—тоже; во снѣ—ссора между Онѣгинымъ и Ленскимъ и на яву—ревность Ленскаго къ Онѣгину, послужившая поводомъ къ дуэли между ними; во снѣ—смерть Ленскаго отъ руки Онѣгина и на яву—тоже.

И такъ, сонъ приснился Татьянѣ въ одну изъ крещенскихъ ночей, а выполнение сна случилось въ день ея именинъ и нѣсколько позже. По календарю, татьянинъ день празднуется 12 января, т. е. позже Крещенія. Поэтому не подлежитъ сомнѣнiю, что сонъ Татьяны, какъ предвозвѣстившій ея будущее, является вѣщимъ, пророческимъ сномъ.

Но это не все. Въ немъ заключено еще нѣчто если не пророческое, то во всякомъ случаѣ очень интересное и важное для людей. Это нѣчто—цѣлая довольно значительная область человѣческаго дуга, бывшая до

Пушкина недостаточно сознанной человѣчествомъ. Мыслитель-поэтъ обстоятельно знакомитъ насъ съ этой областью въ своей великой поэмѣ „Евгеній Онѣгинъ“ и главнымъ образомъ въ снѣ Татьяны. Но это достаточный предметъ для самостоятельнаго изслѣдованія и мы займемся имъ въ отдѣльномъ трудѣ.

1908 г.
